

## ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

---

АЛИХАДЖИЕВА Инна Саламовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции, Москва, Россия (Alinsl@yandex.ru).

---

**Аннотация.** Автор обосновывает сексуальную эксплуатацию, одной из массовых форм которой - проституция, гендерными стереотипами, доминирующими в общественном сознании. На основе авторского опроса, научных публикаций и сообщений СМИ в статье дается перечень факторов, сформировавшихся под влиянием андроцентричной гендерной системы современного общества и, среди прочего, содействующих жизнеспособности проституции, рекрутированию в нее и становлению практикующих работников коммерческого секса. С учетом выявленных факторов делается вывод о необходимости смягчения гендерных стереотипов, провоцирующих девиантные модели сексуального поведения, и разработки мер по их коррекции. Прогнозируется усиление тенденции плюрализации мужских и альтернативных проституированию женских практик по оказанию и потреблению сексуальных услуг на коммерческой основе.

**Ключевые слова:** гендерный стереотип • сексуальная эксплуатация • проституция • маскулинность • фемининность • гендер • пол • секс-работник • сексуальные услуги

DOI: 10.31857/5013216250000791-3

**Постановка проблемы.** Сексуальная эксплуатация как отрасль криминальной экономики, при которой интенсивно проявляются гендерные аспекты, получила значительное распространение и опасные для мирового сообщества формы. По информации ЮНЕСКО, на 2010 г. в мире 5,3 млн человек подвергались сексуальной эксплуатации в форме принудительной проституции и сексуального рабства. По подсчётам ECPAT International, в 2011 г. этот показатель составил 7 млн человек. Как указано в Бюллетене Генерального секретаря ООН, сексуальная эксплуатация и надругательство нарушают признанные международным сообществом правовые нормы. В Минимальных стандартах предотвращения и реагирования на гендерное насилие в чрезвычайных ситуациях говорится: при кризисах риск сексуального и гендерного насилия усиливается, особенно для женщин и девочек-подростков. По данным ООН, жертвами сексуальной эксплуатации ежегодно становятся от 600 до 800 тыс. человек, 80% из которых – женщины.

Одной из наиболее массовых и коммерчески прибыльных форм сексуальной эксплуатации на транснациональном и внутреннем рынках сексуальных услуг является проституция. Проституцию признают девиацией, присущей «обществу потребления» [Гилинский, 2009а: 5]. Ее природа, виды, стратификационные группы и признаки, модели социального контроля исследованы в многочисленных публикациях [Меренков, Никитина, 2000; Романенко, 2010]. Как один из вариантов негативной социальной практики, проституция интенсивно интегрируется в социальную жизнь, все больше обретая черты предпринимательской деятельности в сфере сексуальных отношений. Оценки общего количества проституток в России различаются в разы. По данным МВД, оно составляет один млн человек, а по информации Минздрава – два млн. Согласно оценке экспертов, цифра вовлеченных в проституцию достигает трех млн человек<sup>1</sup>.

Объяснением живучести проституции, кроме экономического фактора в условиях резких социальных преобразований [Тихонова, 2014: 8] и высокого спроса на сексуальные услуги, выступают также гендерные стереотипы [Ерохина, 2012: 83]. Под гендерными стереотипами понимаются «некие установки, возникающие над биологически половой реальностью, отражающие совокупность биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, присущие представителям данного пола в рамках данной культуры» [Дубовская, 2002: 98]. Разграничение

---

<sup>1</sup> В России насчитали миллион проституток. URL: <http://www.russia.ru/news/society/2013/1/25/7377.html> (дата обращения: 11.01.2018).

пола и гендера состоит в том, что «sex – биологический пол; gender – социальный пол, характеризующий не биологические различия, а различия в социальном поведении и статусе мужчины и женщины» [Шилина, 1991: 149]. Как социальный параметр, гендер учитывает фактор биологического пола и способствует институализации обществом поведения человека по принадлежности к группе мужчин и женщин. Гендерный дисбаланс обуславливает высокую опасность становления жертвой сексуальной эксплуатации и повышенный риск принудительного рекрутирования женщин в проституцию как одну из массовых и основных ее форм. Гендерный подход нуждается в детальном исследовании для правильного выбора социально ориентированных инструментов минимизации негативных последствий проституции для социума (криминальные акции в среде сексообщества, коррупция в пространстве коммерческого секса, эпидемии заболеваний, передающихся половым путем и др.) и инициирует поиск целесообразных мер воздействия на группы риска с потенциалом проституционного поведения.

Цель статьи заключается в анализе гендерных стереотипов на уровне массовых представлений о проституции, лицах, вовлечённых в нее, и допустимости насилия в их отношении. Это позволяет эмпирическим путем получить новое знание о факторах, способствующих воспроизводству проституции, помимо уже достоверно выверенных, с целью их изживания в социальной практике.

**Эмпирическую базу исследования** составили: результаты разведывательного опроса населения Саратовской, Московской областей и г. Москвы (метод – анкетирование), проведенного автором в 2013–2017 гг. (N = 642 человека, из них 51,3% – женщины, 48,7% – мужчины); данные анкетирования работников коммерческого секса, потребителей платных сексуальных услуг, предпринятого другими исследователями; контент-анализ 10 интернет-сайтов, предлагающих секс-услуги; статистические данные, а также сведения СМИ и Интернета по рассматриваемой проблематике. Респондентам были заданы 36 вопросов закрытого и полужакрытого типов о проблеме проституции, отношении к легализации, допустимости насилия в отношении проституирующих лиц и др. В качестве объекта исследования использована квотная нерандомизированная выборка гендерных групп, примерно равных по численному составу и возрастным характеристикам. По возрастным группам участники анкетирования распределились следующим образом: 18–30 лет – 26,4%; 31–45 лет – 27,1%; 46–60 лет – 23%; 60 лет и старше – 23,5%. Разделение выборки по основному роду деятельности: работают 51,3%; безработные – 2,4%; пенсионеры – 27,2%; студенты – 19,1%. Гипотеза исследования предполагает наличие гендерных стереотипов, формирующих оценку социумом проституции и причастных к ней лиц. Такой метод позволил выявить факторы, воспроизводящие проституцию как одну из форм сексуальной эксплуатации.

**Внедрение в общественное сознание СМИ установки о нормализации проституции.** Ученые относят СМИ к важнейшим «агентам социализации» [Гидденс, 1999: 230], т.к. их потенциал по формированию и манипулированию общественным мнением высок. Контент-анализ прессы фиксирует: отечественные СМИ перенасыщены публикациями о женской проституции. Читателям внушается позитивное восприятие женского элитного секса за деньги. Так, эскорт-услуги – по сути завуалированная проституция – интерпретируются как легкий способ высокого заработка для женщин, получения предметов роскоши и беспечного проведения досуга. Пресса публикует репортажи об эскорт-сопровождении с последующим сексуальным обслуживанием и баснословных гонорах за него даже на мероприятиях высшего государственного уровня<sup>2</sup>. В отличие от полуорганизованного сектора («улица») элитные проститутки для сопровождения или развлечения состоятельных и высокопоставленных клиентов, иностранцев позиционируются как женщины с высоким образовательным уровнем, владеющие несколькими языками.

У западных и отечественных фильмов и сериалов, культивирующих модные образы куртизанок и проституток – самые высокие зрительские рейтинги. При этом прямо прослеживается маркировка пола в контексте ролевых стереотипов, когда происходит активная подача женщины как сексуального объекта, а продажный секс – как ипостась исключительно слабого пола. К примеру, американский фильм «Красотка» об истории проститутки, счастливо вышедшей замуж за миллионера, телевизионные каналы традиционно демонстрируют в дни максимального телепотребления по случаю Международного женского праздника.

<sup>2</sup> Мнишек И. Эскорт для «дяденьки» // Версия. 24.07.2013.

Медиа-индустрия, оказывая мощное влияние на жизненные ориентации, формирует мировоззрение, прежде всего, у молодежи, задает стандарты жизни и ценностные ориентации, которые активно примеряет на себя молодая аудитория [Савинкова, 2012: 316]. Под лозунгами сексуальной свободы и раскрепощения личности СМИ пропагандируют эротизм, свободное сексуальное поведение, проституцию и порнографию [Брылина, 2010: 146]. Идущие десятилетиями по российскому ТВ молодежные шоу и телепроекты, эксплуатирующие интерес несовершеннолетних к сексу и демонстрируемые на многомиллионную аудиторию, периодически сотрясают скандалы с медийными участницами, пребывавшими в секс-эскорте и приобретшими таким заработком дорогие автомобили и недвижимость в столице. В результате увиденного девиации, основанные на платности секса, воспринимаются российскими подростками и молодежью, в большинстве своем не имеющими позитивных авторитетов, в качестве терпимой практики или даже нормы поведения, допустимого как средства доступа к материальным благам. Криминологи и социологи подчеркивают: среди вовлеченных в проституцию 47,9% – молодежь в возрасте от одиннадцати до двадцати четырех лет (девушки – 69,6%; юноши – 30,4%). Число постоянно проститутирующих, кому нет и двадцати, – 21,7% [Горшков, Шереги, 2010: 223]. Более 15% проституток – учащиеся высших и средних специальных учебных заведений; это те, «чье социальное положение еще весьма неопределенно, а собственные доходы ограничены стипендией» [Эминов, 2011: 109]. Исследования студенческой аудитории указывают на нейтральное отношение к проституции, т.к. только каждый третий ее осуждает по причине распространения венерических заболеваний и нравственного растления молодежи. Респонденты больше склонны к легализации проституции в целях ее контроля со стороны государства [Бороноев, 2013: 72]. В нашем исследовании 31,6% анкетированных, из которых 19% в возрасте от 18 до 30 лет, не считают секс-услуги постыдным занятием.

**Добровольность женской проституции и «виновность» женщины-жертвы сексуальной эксплуатации.** В российском сознании нет ясного понимания, что основу сексуальной индустрии составляет не добровольное вхождение в сферу коммерческого секса, а эксплуатация женщин в качестве инструмента для извлечения прибыли. И если факты организованной сексуальной эксплуатации мужчин отсутствуют, то следственно-судебная практика изобилует примерами применения потоковой системы по принуждению к проституции женщин. Криминальный «бизнес», обладая четкой иерархической структурой, строится на похищении лиц женского пола, купле-продаже и иных сделках для сексуального использования, торговле девственностью<sup>3</sup> и др. Формами глобального преступного предпринимательства в сфере секса является незаконный трафик женщин за пределы своей страны с целью использования в досуговой и армейской проституции, организованные секс-туры в города-курорты для российской элиты и др. Интернациональная проституция как результат насилия или обмана способствует физической и моральной депривации проститутирующих женщин, погружению на «социальное дно», когда бесправная жертва лишена распоряжения доходами и личной свободы.

Сексуальная эксплуатация мужчин, включенных в секс-индустрию, контролируемую транснациональной преступностью, насильственное принуждение к платному половому акту и тем более сексуальное рабство не типичны для этого явления. Мужская и юношеская проституция больше характерны для индивидуального предпринимательства. Добровольное предложение коммерческого секса осуществляется в местах концентрации лиц, продающих себя (т.н. плешки, бары, ночные клубы для лиц гомосексуальной ориентации), либо посредством сети Интернет с размещением информации о мужских секс-услугах за деньги.

**Общественное мнение и влияние социальных настроений.** Значительная часть российского социума оправдывает насилие и физическую расправу над проститутками-женщинами. Насилие и власть со стороны мужчин в отечественной научной доктрине названы причинами неискоренимости женской проституции как формы сексуальной эксплуатации. Акцентируя внимание на гендерных признаках этого феномена, ученые рассматривают сексуальную эксплуатацию как сексуальное насилие со стороны мужчин над женщинами для демонстрации своего господства и преимущества над ними [Ерохина, Буряк, 2003: 201]. «Существует потребность в воспроизведении публичных женщин, и это связано именно с потребностью мужчин в доминантных властных

<sup>3</sup> В Москве осуждена банда сутенеров, превращавшая похищенных в регионах детей в секс-рабов для утех влиятельных педофилов. URL: <http://www.newsru.com/crime/18oct2011/bullynapgangmsk.html> (дата обращения: 24.02.2018).

отношениях и насильственных действиях» [Яковлева, 2003: 228]. Д.В. Ковалевский указывает: «...деньги становятся ключевым фактором в подчинении проститутки, а оплата сексуальных услуг делает отношения безличными. Оплатив, клиент снимает с себя всю ответственность и получает временную власть, доказывая свое превосходство» [Ковалевский, 2011: 361]. Э. Гидденс пишет, что «проституция отражает и в определенной мере помогает сохранить тенденцию обращения мужчины с женщиной как с предметом, который может быть использован для сексуальных целей. Проституция является одним из аспектов патриархальных отношений, представляющим в особой форме неравенство между мужчинами и женщинами» [Гидденс, 2005: 236].

Согласно авторским опросам, проституция признается родом деятельности, сопровождающим «наперед оплаченное» и потому оправдываемое частью респондентов насилие против работников сферы коммерческого секса [Алихаджиева, 2006: 84]. Клиент-мужчина, получив доступ к платной секс-услуге, вправе на сексуальную агрессию, а равно иные действия подобного порядка – оскорбление, побои, изнасилование и др. Как установил опрос, насильственная мотивация платного секса или желание доминировать над женщиной не являются ведущим стимулом обращения за сексуальными услугами. Вместе с тем стереотип общественного сознания о проститутке как лице, обязанном претерпевать насилие по причине социальной ущербности, личностной уязвимости и унизительности самого занятия проституцией, приобрел статус нормы в силу распространенности таких представлений. В женской проституции выделяются различные стратификационные срезы секс-работниц (уличные, гостиничные, агентства, на трассах, «квартирные», и др.), и в отношении отдельных категорий из них риск насильственных акций максимален. Высока виктимность индивидуальных работниц коммерческого секса, сосредоточенных на трассах, окраинах города или за его пределами, или вовлеченных в уличную проституцию, неподконтрольную сутенерам. Из практикующих продажу секс-услуг эти группы женщин наиболее часто подвергаются сексуальному, физическому или психическому насилию [Романенко, 2010: 313]. Чаще проститутки страдают от покушений на изнасилование и изнасилований ( $p < 0,001$ ) – в 68,4% случаев [Дерягин, 2013]. Акты насилия респонденты объясняют социальным «клеймом» проституции, издержками «труда», связанного с повышенным риском. Более всех усердны в осуждении женщин-проститут, чье изнасилование не считается большинством опрошенных преступлением, представительницы слабого пола (61%). В своей нетерпимости к секс-труженицам респондентки крайне эмоциональны, предлагая против них усиление карательных санкций вплоть до лишения свободы. Контрольный вопрос об аналогичной репрессии в отношении мужчин, оказывающих секс-услуги, демонстрирует не столь обвинительную риторику в ответах женщин. Мужская же группа респондентов жестко осуждает проституцию, особенно гомосексуальную, как недопустимую девиацию половой жизни и оправдывает физическую расправу за нее (53,7%). Причина – самый легкий путь получения материальных благ, недостойный статуса мужчины.

**Влияние СМИ, культивирующих в российском обществе традиционные женские роли.** В медиапространстве стереотипный образ фемининности, в отличие от маскулинности, носит негативную оценку. Традиционные гендерные установки формируют социальные роли, присущие полу. В стереотипном образе женщины ее качества, тиражируемые массовой культурой в медиа-сфере, характеризуются, как правило, через бездеятельность и непубличную сферу с разными знаками отрицательной оценки – пассивностью, глупостью, излишней эмоциональностью, нерациональностью, нелогичностью действий [Рябова, 2001: 57]. Отсюда и набор социальных ролей подвергается гендерной стереотипизации, когда образ женщины используется в рекламе, масс-медиа как сексуальный объект.

Транслируемые телеэкраном и СМИ на широкую аудиторию ценности, среди прочего, формируют общественное сознание, насаждают представления о вторичности социального статуса женщины с четкими ролевыми ограничениями за счет принижения специфически женского социального опыта: беременные женщины; матери-одиночки; проститутки; домохозяйки; любовницы [Козлова, 2006: 136]. Сложившиеся полоролевые стереотипы, в том числе, о проституции, как сугубо женском занятии, находят отражение и в языке. Как верно отмечал С.Я. Улицкий, «в русском языке слова, определяющие профессию, бывают мужского и женского рода, либо только мужского или только женского... Маникюрша, машинистка, проститутка не имеют мужского рода... Мужчины в нашей стране не занимались подобной деятельностью. Не было же в дореволюционной России публичных домов, предлагавших услуги мужчин... Учет российских традиций, вероятно, породил мнение, что проституцией может заниматься только женщина» [Улицкий, 2004: 38].

Гендерная стереотипизация, при которой женщина – человек «второго сорта» или «тоже человек», порождает: эротизацию мужского превосходства, демонстрацию мужской значимости, сексуальной свободы и агрессии; дозволенность насильственного секса; формирует сексистские установки. Укрепившиеся в обществе поведенческие модели по гендерной принадлежности, когда женщина служит для удовлетворения естественных мужских сексуальных потребностей, диктуют ролевые правила: женщина выступает сексуальным трофеем и объектом пусть временного, но властного подчинения. Отсюда и превалярующая установка социума о женской сексуальной доступности, склонности к продажности, разврату, обязанности претерпевать мужские притязания на секс и сексуальную агрессию. А потому во многих случаях практика вовлечения женщин в проституцию связана с изнасилованием – как способом принудить к продажному сексу либо как формой полового насилия в детском и юношеском возрасте вне связи с проституированием. По данным исследователей, только в Москве 39% проституток стали жертвами насильственных сексуальных действий в детстве. Развратным действиям секс-работницы до четырёхдцати лет подвергались чаще, чем респондентки – не проститутки (8,8 против 3% случаев) [Дерягин, 2013]. Иными словами, детские психотравмы инициируют на сексуальной почве девиантную сексуальную активность, многократно увеличивая риск вхождения в проституцию.

**Гендерные стереотипы в массовом сознании четко идентифицируют участников коммерческого секса по признаку пола.** Современная отечественная социология и криминология определяют проституцию как форму девиантного [Голосенко, Голод, 1998; Гишинский, 2004b; Русакова, 2010], как правило, женского поведения. Гендерным неравенством феминистическое течение в социологии объясняет «женское лицо проституции», когда в обществах с патриархальными ценностями женщины имеют априори меньше прав и больше рисков, нежели мужчины [Overall, 1992; Ходырева, 2006]. В рамках такого понимания субъектом девиации в сфере секса является женщина, продающая секс-услуги, а клиентом – мужчина, получающий их за плату. По этой причине общественное мнение более толерантно к секс-занятости женщин. Вместе с либерализацией половой морали и приданием проституции характера «рабочей специализации» этому способствовало введение в научный оборот и использование на обыденном уровне таких понятий, как «секс-работницы», «работницы коммерческого секса» с акцентом на половую принадлежность. Мужская проституция, в отличие от женской, в российском обществе подвергается категорическому осуждению безотносительно к ее формам (гей-проституция, секс-обслуживание женщин, проституция военнослужащих и др.), поскольку мотивацией секса за деньги является не крайняя нужда, а потребность в развлечениях и удовлетворение материальных притязаний, атрибутов красивой жизни. Между тем мужская проституция не является чем-то экзотичным. По данным экспертов, проституирование мужчин составляет 3%, а примерно 2% – гомосексуальная проституция [Куликова, Кулаков, 2010: 143]. Среди мужчин, предлагающих секс на коммерческой основе, распространена гетеро- и гомосексуальная, бисексуальная и в меньшей степени трансгендерная проституция [Смирнов, 2012: 43]. Хотя мужская проституция остаётся «в тени», обслуживая определенный круг секс-потребителей, по аналогии с организацией женского коммерческого секса стали появляться специализированные «агентства» для оказания услуг гетеросексуальной проституции. Повышение социального статуса и социальной активности женщины, закрепление ее позиций в государственных и корпоративных структурах, в бизнесе способствуют деформации гендерной идентичности и расширению границ сексуальной свободы. В результате женщины сами инициируют брачные и сексуальные отношения, а запрос на секс удовлетворяется через коммерческие сексуальные услуги. Используется и ставший популярным для преуспевающих женщин или «женщин-businesswomen» новый вид сервиса, не требующий временных затрат на поиск партнёра – эскорт-услуги мужчин. Вопреки тому, что современные нормы половых отношений не являются гендерно нейтральными по причине двойных стандартов сексуальной морали, постепенная трансформация традиционной маскулинности и фемининности способствует изменению классических эталонов женского и мужского сексуального поведения. При этом новая тенденция в сексуальном поведении полов, когда женщина осуществляет платный заказ «мальчика по вызову» желаемого типажа, либо сожительствует с жиголом, альфонсом, оглачивая его расходы, в обществе вызывает однозначное порицание. Столь кардинально различная оценка одного и того же явления в зависимости от перемены сторон проституированного акта подтверждает существование гендерных установок в общественном сознании.

В качестве нормы рассматривается и покупка услуг проституирующих женщин потребителями-мужчинами. Авторский опрос выявил тенденцию снисходительного отношения к потребителям сексуальных услуг, а платный секс с проституткой оправдывался преимущественно респондентами-мужчинами (59,4%), оперирующими шаблонными формулировками о «биологической природе», «биологической сущности», «статусе мужчины-завоевателя», «мужской самости» и др. Сложившиеся в обществе стереотипные гендерные представления являются фактором, усиливающим криминальную эксплуатацию женщин в секс-индустрии, поскольку они поддерживают спрос на коммерческие секс-услуги.

*Стереотипные представления о высокой мужской сексуальной потенции как эталоне мужественности и «естественных, сотворенных природой» сексуальных гиперпотребностях весьма живучи.* Жесткий императив мужественности требует от мужчин постоянно демонстрировать свою сексуальную активность, утверждать приоритет разума над чувствами. «Привычка относить мужские проблемы к избытку тестостерона, особенностям физического строения, природной полигамности и т.п. коренится не в “естественных мужских особенностях”, а, скорее, в тысячелетней работе по биологизации социального» [Хитрук, 2017: 122]. Такая мифологизация мужской физиологии, клишированность представлений о мужественности предопределяет нормы мужского поведения и в платном сексе. В проституции мужское доминирование, основанное на платности секс-услуги и гендерном неравенстве, допускает, при желании клиента, насильственные акции против «купленной» работницы. Очевидно, что «сама идея проституции, мужского императива сексуальной потребности и использования женщин подобным образом, есть политическая конструкция, возникшая из мужского превосходства» [Ходырева, 2006: 111].

При господствующей модели гендерной системы сексуальный акт с проституткой – нормативное проявление мужественности. Одной из ведущих мотиваций потребителя-мужчины при использовании проституток-женщин является подтверждение статуса внутри мужской субкультуры (21,4%). «У истоков сохранения проституционных отношений стоит стремление мужчин соответствовать идеалу маскулинности, сформированному под влиянием андроцентричной гендерной системы общества. Довольно часто истинным мотивом обращения мужчин за платными сексуальными услугами было не удовлетворение сексуальной потребности, а стремление подтвердить собственную маскулинность» [Ковалевский, 2011: 363].

**Выводы.** Полученные результаты свидетельствуют о наличии статистически значимых различий в отношении общества к коммерческому сексу, субъектам проституции, включенным в девиантную практику, в зависимости от пола проституирующего и потребителя, допустимых формах насилия, оценке перспективы мер, направленных на снижение вовлеченности в проституцию. В немалой степени позицию в отношении платных секс-услуг и участников этой теневой сферы предопределяют гендерные представления о поведенческих ролях и социальных притязаниях, атрибутируемых мужчинам и женщинам, что влияет на процессы коммерциализации продажи и потребления сексуальных услуг.

Эффективные методики минимизации последствий сексуальных девиаций могут формироваться только исходя из стратегии преодоления устоявшихся гендерных стереотипов проституции. Разная степень «включенности» женщин и мужчин в проституцию требует выработки специфических гендерных подходов к снижению виктимогенных рисков у лиц, задействованных в сфере коммерческого секса, профилактике проституирующего поведения, потребления секс-услуг и, вопреки подвижности консервативной половой морали, активизации и стимулирования установок на отказ от практик проституирования, изменения идеализированных представлений об элитарности, высокой доходности и безопасности отдельных видов проституции. Следует учитывать: формированию новых гендерных ориентиров и постепенной трансформации проституции способствует наметившаяся в последние десятилетия тенденция утраты маскулинностью монолитности. В сфере сексуальных отношений наблюдается трансформация традиционной маскулинности и вариативность мужских сексуальных практик, включая проституирование. В ближайшие годы следует прогнозировать ревизию стереотипных суждений и восприятие обществом проституции уже не как сугубо женского ремесла, а рода деятельности безотносительно к полу секс-работника.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихаджиева И.С. Общественное мнение о проституции и мерах по ее предупреждению (региональное исследование) // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 82–86.
- Бороноев П.Г. Отношение современной студенческой молодежи к проблеме проституции: культурные и экономические факторы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 69–72.
- Брылина И.В. Трансформация любовно-эротических отношений в современном мире // Известия Томского политехнического университета. 2010. № 6. С. 142–148.
- Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал, УРСС, 2005.
- Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
- Гишинский Я.И. Девиантность в обществе потребления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 4. С. 5–12.
- Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние). СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежная проституция и изменение отношения к браку // Мониторинг. 2010. № 4(98). С. 216–239.
- Дерягин Г.Б. Проституция как форма сексуальной эксплуатации. URL: <http://www.sudmed-nsmu.narod.ru/articles/prost.html> (дата обращения: 11.03.2018).
- Дубовская И.Н. Женский портрет на фоне рекламы // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 98–106.
- Ерохина Л.Д. Региональные и культурные факторы существования организованной проституции и торговли женщинами в юго-восточных странах // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 83–88.
- Ерохина Л.Д., Бурак М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М.: Профобразование, 2003.
- Ковалевский Д.В. Идеология маскулинности как причина спроса на проституционные услуги в современной России // Вектор науки ТГУ. 2011. № 2. С. 358–363.
- Козлова Н.Н. Проявления гендерной ассиметрии в учебниках по социологии // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 134–141.
- Куликова М.С., Кулаков А.В. Гомосексуальная проституция как социальное явление: история и современность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 4. С. 142–144.
- Меренков А.В., Никитина М.Н. Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 47–51.
- Романенко В.В. Виды проституции в современном российском обществе // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2010. № 4. С. 310–315.
- Русакова М.М. Трансформация понятия «проституция» в общественных науках в контексте социального контроля: история и современность // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2010. № 2. С. 40–48.
- Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.
- Савинкова Ю.В. Телевизионные предпочтения молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 313–316.
- Смирнов А.М. Мужская проституция в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
- Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 1–19.
- Улицкий С.Я. Защита общественной нравственности в системе мер борьбы с преступностью: монография. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004.
- Хитрук Е.Б. Социально-психологическая поддержка мужчин в контексте «мужских проблем» // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 122–128.
- Ходырева Н. Современные дебаты о проституции. Гендерный подход. СПб.: Алетей, 2006.
- Шилина А.Г. О содержании терминов «гендер», «феминизм», «феминность», «маскулинность» // Культура народов Причерноморья. 1999. № 8. С. 148–152.
- Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М.: Норма, Инфра-М, 2011.
- Яковлева А.А. Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии // Гендерные исследования. 2003. № 7–8. С. 226–245.
- Overall K. What's Wrong with Prostitution? Evaluating Sex Work // Signs. 1992. No. 17 (4). P. 705–724.

## GENDER ASPECTS OF SEXUAL EXPLOITATION OF THE HUMANS

ALIKHADZHEVA I.S.

All-Russian State University of Justice, Russia

Inna S. ALIKHADZHEVA, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Chair of Criminal Procedure Law and Criminalistics, All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia (Alins1@yandex.ru).

**Abstract.** In article results from an author's sociological study about the population attitude to prostitution as to a most common form of sexual exploitation persons rendering commercial sexual services are analyzed. Being based on the Russian sociological and criminological sources, materials of the carried-out questioning, the author comes to a conclusion that the gender stereotypic attitudes in public consciousness of Russians supported by traditions of gender discrimination are one of the factors producing deviant sexual behavior, criminal violence, and having independent victimologic properties.

The list of the specified factors in modern society is formulated: introduction in public consciousness by mass media of attitudes to normalization of prostitution; voluntariness of women's prostitution and «guilt» of the female victim of sexual exploitation; public opinion and influence of social moods; influence of the mass media cultivating traditional female roles in the Russian society; gender stereotypes in mass consciousness with accurate identification of participants of the sphere of commercial sex on the basis of sex; viability of stereotypic ideas of a high men's sexual potentiality as standard of courage and sexual hyper-requirements. On the basis of application of qualitative methodology their substantial characteristic is offered. The conclusion is drawn that the traditional gender stereotypes connected to gender as a factor of formation of social roles, need assessment to decrease indicators of mass distribution about prostitution as the social phenomenon, risk of involvement in deviant sexual practices and sexual abuses.

**Keywords:** gender stereotype, sexual exploitation, prostitution, masculinity, femininity, gender, floor, sex worker, sexual services.

## REFERENCES

- Alikhadzhieva I.S. (2006) Public opinion about prostitution and measures for her prevention (a regional research). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 5: 82–86. (In Russ.)
- Boronoyev P.G. (2013) Relation of modern student's youth to a prostitution problem: cultural and economic factors. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 5: 69–72. (In Russ.)
- Brylina I.V. (2010) Transformation of the love and erotic relations in the modern world. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [News of the Tomsk Polytechnic University]. No. 6: 142–148. (In Russ.)
- Deryagin G.B. (2013) *Prostitution as Form of Sexual Exploitation*. URL: <http://www.sudmed-nsmu.narod.ru/articles/prost.html> (accessed 11.03.18). (In Russ.)
- Dubovskaya I.N. (2002) A female portrait against a background of advertising. *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhdunarodnyye kommunikatsii* [Bulletin of Moscow State University. Series 19. Linguistics and the intercultural communication]. No. 2. P. 98–106. (In Russ.)
- Eminov V.E. (2011) *The Crime Reasons in Russia: Criminological and Social and Psychological Analysis*. Moscow: Norm, Infra-M. (In Russ.)
- Giddens E. (2005) *Sociology*. Moscow: Editorial, URSS. (In Russ.)
- Gilinsky Ya.I. (2004) *Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide and Other «Deviations»*. Saint-Petersburg: Yurid. tsentr Press. (In Russ.)
- Gilinsky Ya.I. (2009) Deviance in consumer society. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava* [The criminological magazine of the Baikal state university of economy and the right]. No. 4: 5–12.
- Khitruk E.B. (2017) Social and psychological support of men in the context of «men's issues». *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11: 122–128. (In Russ.)
- Khodyreva N. (2006) *A Modern Debate about Prostitution. Gender Approach*. Saint Petersburg: Aletejya. (In Russ.)
- Kowalewski D.V. (2011) Maskulinnost ideology as the reason of demand for prostitutsionny services in modern Russia. *Vektor nauki TGU* [TGU science Vector]. No. 2: 358–363. (In Russ.)
- Kozlova N.N. (2006) Manifestations of gender asymmetry in textbooks on sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 134–141. (In Russ.)
- Kulikova M.S., Kulakov A.V. (2010) Homosexual prostitution as social phenomenon: history and present. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of science of the Tolyatti State university]. No. 4: 142–144. (In Russ.)

- Merenkov A.V., Nikitina M.N. (2000) Social portrait of the modern prostitute. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 5: 47–51. (In Russ.)
- Overall K. (1992) What's Wrong with Prostitution? Evaluating Sex Work. *Signs*. Vol. 17 (4): 705–724.
- Romanenko V.V. (2010) Types of prostitution in modern Russian society. *Vestnik Sankt-Peteburskogo universiteta. Ser. 12. Sotsiologiya* [the Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 12. Sociology.]. No. 4: 310–315. (In Russ.)
- Rusakova M.M. (2010) Transformation of the concept «prostitution» of social sciences in the context of social control: history and present. *Vestnik Sankt-Peteburskogo universiteta. Ser. 12. Sotsiologiya* [the Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 12. Sociology.]. No. 2: 40–48. (In Russ.)
- Ryabova T.B. (2001) Gender stereotypes and gender stereotypification: methodological approaches. *Znenshhina v rossijskom obshchestve* [Woman in the Russian society]. No. 3–4: 3–12. (In Russ.)
- Savinkova Yu. V. (2012) Television preferences of youth. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. No. 4: 313–316. (In Russ.)
- Shilina A.G. (1999) About contents of the terms «gender», «feminism», «femininity», «maskulinnost». *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the people of Black Sea Coast]. No. 8: 148–152. (In Russ.)
- Smimov A.M. (2012) *Men's Prostitution in Russia*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) A poverty phenomenon in modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 1–19. (In Russ.)
- Ulitsky S.Ya. (2004) *Protection of Public Morality in the System of Measures of Fight Against Crime*. Vladivostok: Izd-vo DVGU. (In Russ.)
- Yakovleva A.A. (2003) Globalization of sexual violence: from prostitution to the transnational sexual industry. *Gendernye issledovaniya* [Gender researches]. No. 7–8: 226–245. (In Russ.)
- Yerokhina L.D. (2012) Regional and cultural factors of existence of organized prostitution and trafficking in women in the southeast countries. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 5: 83–88. (In Russ.)
- Yerokhina L.D., Buryak M.Yu. (2003) *Trafficking in Women and Children for Sexual Exploitation in the Social and Criminological Perspective*. Moscow: Profobrazovanie. (In Russ.)

Received: 30.03.18. Accepted: 12.04.18.